Пётр РОДИН
Воскресенское, Нижегородская область

На Ветлуге

В день Евдокии, 14 марта, рано утром встретил я на берегу известного в районе, и не только, А. Н. Дружинина. Вынул он из кармана куртки большой (семиглотошный) стакан. Нет, не выпивать мы до восхода собрались, а рассказал мне бывший предрик о том, как они с покойным Виктором Львовичем Горшуновым из Затона ежегодно и именно в этот день замеряли будущий разлив нашей Ветлуженьки.

Имя святой Евдокии ассоциируется с покровительством земной природы. Считалось, что святая хранит ключи от весенних вод, так нужных для будущего урожая.

А. Н. Дружинину

Солнце лыбится, взлетая.
Знать, от сна.
Ах, какая молодая ты, Весна!
По утрам, марток, морозом
Не пугай.
По реке ведёт прогнозы
Ветлугай.
Запиликала пичуга,
Зябко, чай?
Я пришёл к тебе, Ветлуга,
Знай, встречай.
В Евдокию как на речку
Я приду,
Шепоточком с нею речи
Поведу.
Что со сроками разлива,
Мать-река?
Распластаешься на диво,
Иль слегка?
Теле-, радиопрогнозы –
Ерунда!
Зачерпнём снежку с тороса
Да со льда.
И стакан семиглотошный
Всклень набьём.
Он разлив покажет точный,
Правда – в нём.

Коль вода в стакане встала
В палец лишь –
Половодье будет малым,
Гладь да тишь.
А коль к рубчику стремится,
Лезет ввысь,
То разлив большой случится,
Знай, держись!
Уж Ветлуга выгнет спину –
Океан!
Указал на середину
Мне стакан…
Я на речку в Евдокию
Прихожу.
Каким будет половодье,
Предскажу…
А точней, как разольётся,
Доложу.

Верба

Любили. Украдкой встречались,
Но судьбы в одну не срослись.
Мелькнули вокзалы, причалы…
У вербы апрельской сошлись.
Барашки в подушечках пальцев
У пары рассыпались в прах.
Весны неуютное зальце,
Улыбки вины на губах.
И нет на вопросы ответов.
Ручей бормотал всё о том,
Что, будучи полднем согретый,
Он выльется в мощный проток.
Дожди смоют радость и слёзы
И несколько сказанных слов.
Как веточка вербы с мороза,
На вкус горьковата любовь.

Алик ЯКУБОВИЧ

* * *

Весна – это выйти из дома
И долго молчать,
Пока не увидишь дорогу.

* * *

Коня на скаку,
Мужа из запоя,
Ребёнка из садика.

* * *

Даже если ничего не случится,
Фотоаппарат всё равно всегда со мной,
Ведь стоит только взять его в руки,
Как я становлюсь
Немного моложе
И намного умнее.

* * *

Жизнь, как учитель физкультуры –
То отжаться,
То на мостик,
То через козла,
Пока не поймёшь,
Что жизнь – это театр,
И, может, тогда
Господь переведёт тебя
Из гардеробщиков в режиссёры.

* * *

Странно.
Тёплые.
Подумал он,
Наткнувшись на ключи
От родительской квартиры.

* * *

Сколько есенинских стихов
Прочитал я вчера
В глазах собаки.

* * *

И задержаться
В книжном магазине
Почти на час,
С любимой книжкой,
Что приоткрыл,
Так неожиданно в себе.

* * *

Чем старше, тем смелее во взгляде
На женщин и отсутствие смыслов,
На творчество и проблемы с деньгами,
На смерть, что сторожит на пороге.
А ещё он стал моложе улыбкой,
Пропадая в городском пейзаже,

Неслучайно со случайным знакомым,
Выпивая за победу Икара,
И опять, в который раз на рассвете,
На какой-то покосившейся крыше
Он сидит с Господом Богом в обнимку,
Потому что тот в него ещё верит.

* * *

В лодке уснувшей на берегу,
Выросло дерево
С листьями рыб.

* * *

А помнишь, спросила дверь
У зеркала, что в прихожей,
Как они были похожи,
Пока просыпались любовниками.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

* * *

Слово в начале было. Струилось.
Слово свивалось, как бабочка в кокон.
Билось. Как в бубен. В исчадье и стылость.
Слово за слово, как око за око.
Фраза за фразой, гласной, негласной.
Общий фундамент –
святой, праславянский.
Слово – оно архитектор и мастер,
каменщик, плотник, глашатай и пастырь,
кружев орнамент.
Сжальтесь, молю я! Я слово рожаю.
Я пуповину отсекла, отгрызла:
слово вначале на поле, на ржави,
в лоне отчизны!
В лоне вселенной молочные реки,
светлые слёзы, что сжаты до слова.
Нет его в птице – оно в человеке,
нет его в звере, чья поступь песцова,
в дереве, в пластике, в кости тигровой.
Слово царёво. Оно кумачово.
Слово пудово, тесово, толково.
Слово терново!
Душу оно до крови искололо.
И из груди, еженощно сгорая,
вновь возникая, как феникс из пепла,
рваные крылья от края до края
крепнут.

Старше всех стран, всех племён и созвездий,
но кукушонком, где осыпь, где яма
падает, крошится, рвётся о бездну:
«Мама!»
Слово щитом на воротах Царьграда,
взмывом алеющим русского флага,
русскому слову любая громада,
плечи атланта – всё кстати, во благо.
Просто не трогать, где больно, не надо!
Русскому слову я сердце всё – в топку,
словно бумагу.

* * *

Когда идёшь в одном ты крестном ходе,
причастная, по волнам городским
аки по тверди!.. Вместе, вплоть, в народе –
слиянная я, что спекалась в утробе
вот этой улицы. Не кинь, молю, не кинь!
О, сколько здесь порушенного было.
Мне на колени пасть у мостовых
пред куполом, пред каждою могилой
затоптанной! Святее нет таких.
Обиженных, униженных, распятых,
гремящих стеклотарой, нищих здесь
у кованных ворот, придурковатых
не счесть!
Кому-то даром. Им же всё недаром.
Кому-то грешно. Им безгрешно в старом,
немодном одеянии ночь-днесь.
Мы все в единой массе. В крестном ходе:
над куполами птицы в хороводе,
сороки, сойки, голуби, грачи.
Молясь, молчи!
Я – бедная сегодня,
я – публика твоя, мой волжский ход!
Здесь море-океан, Ока и Волга
сливаются, сцепляются в приплод.
Кто с детками, кто просто так, кто с мужем,
я лишь песчинка, комышек я – суши,
в скирде иголка!
Но здесь с тобой, рабочий люд, но здесь с тобою.
Молотобойцы, рыбари, ткачи, вахрушки,
две стриптизёрши да малец и дед с козою,
ещё актриса, говорят, она с шизою,
но мы все братья, все мы сёстры – кольца суши!
На этом море. Море белом, разливанном.
На Антарктидовом. На Китеградье вместе!
Подставь ладони для своей небесной манны,
целуй нагрудный, под рубахой гретый крестик!
Да, публика я – публика из публик!
Но мне так лучше со иконами, не тесно,
чем восседать так одиноко без возлюбья

в ряду, где кресло!
Но если честно, если честно, если честно
вот скоро всхолмие. Нам, выжившим от века,
пересказать вот в этом чохе, в этом звоне,
пересчитать потери наши в беззаконье,
держа в руках не похороненное древко!

Борис АНДРИАНОВ

Нищие на поездах

Немой и тот, что из придурков –
Глазам не веришь, кто тут нищ, –
У тамбура, среди окурков,
Считают, сколько дали тыщ.
Мыча счастливо, осмелело
С вязанки воблу, выбрав, рвут
И, расплатившись, то и дело
По-своему друг другу врут,
Перед иконою пречистой
Как собирали в этот раз,
И под «Славянку» гармониста
Поедут в город Арзамас.
На дальней станции привстанут,
Толкая пальцами стекло,
И атлас Родины достанут,
И там поищут, где село
Запрятано за пыльной рамой
В цветенье полевой травы,
И поезд тронется, и прямо
По колее, среди равнин,
Они помчатся по России
Своим несчастьем торговать,
И всё привидится красивым,
И можно воблой пировать!

Владимир Лебедев

Старый пляж

Растаяли погожие деньки,
Туманов вязких стелется сонливость.
На старом пляже странницы-реки,
Как мать, ветла заботливо склонилась.

Она ей шепчет добрые слова,
Обнять пытаясь чуткими ветвями,
В тени мерцает томная листва
И ищет встречи с влажными устами.

Прохладой веет с северных широт,
Все травы убраны на берегах привольных.
Ветла, вздыхая, внемлет всплеску вод
И, не решаясь перейти их вброд,
Лишь провожает с легкой грустью волны.

Париж и мышь

Твоя мечта – Рим и Париж,
Ты всем об этом говоришь
И снова в облаках паришь,
Мечту лелея.

И всю-то жизнь, как ты сверлишь,
Здесь не живешь, а лишь гостишь.
Края, мол, эти – не престиж,
Себя жалеешь.

Но вот случилось: ты летишь,
Как на метле, туда, в Париж,
Чтоб там пожить. Былое – кыш!
Летишь и млеешь.

Что ж, прилетел, и ешь и спишь,
А за окном шумит Париж,
Он ярко светит, только, вишь,
Тебя не греет.

И вот ты тлеешь и коптишь,
А на душе скребется мышь.
Так ведь казалось: в корень зришь –
Нет, костенеешь.

Ты память детства теребишь,
О светлой юности – твой стиш,
Себя терзаешь и коришь –
Всё злее, злее.

Ночами вязкими не спишь:
О роще в ландышах грустишь,
Заветной тропкою бежишь –
Мечту лелеешь.

Текут года, ты всё хандришь,
И вот совсем уже, как мышь,
Забравшись в нору, ты сидишь
И всё сереешь.

Огнями плещется Париж,
Пестрит нарядностью афиш,
А ты – чужак, судьбу хулишь.
А что имеешь?

Татьяна БОБЫШЕВА

* * *

Позови меня, и я отвечу
Звонким эхом, трелью соловья.
Подари волшебный тихий вечер
В белоствольной роще у ручья.

Принеси с собою на свиданье
Не кораллов и не жемчугов,
А цветок подснежник первый, ранний,
Очень нежный, в свежести снегов.

А ещё три лучших в мире слова,
Ими тронь души моей струну,
Чтоб я к жизни возродилась новой
В самую счастливую весну.

Александр БОРОДИНОВ

Жизнь

Жизнь – неповторима.
Хорошо ли, плохо ли,
Но у всех у нас она одна!
Только кто-то
Пользуется крохами.
Ну а кто-то –
Жизнь берёт сполна.

Прости

Наверняка я грешен, как и все,
И после смерти в ад пойду кромешный.
Я от любви горячей облысел,
Хотя не очень стар ещё, конечно.

Мы к старости пока сейчас глухи,
Лишь к ста годам признать её готовы.
О, Боже мой, прости за все грехи!..
И дай возможность совершить их снова.